

10.10.95

ВЫСОКОЕ ДАЛЕКОЕ

Негров и евреев просят не беспокоиться. Старое американское объявление.

СССР, 1949 год. Борьба с сионистами и безродными космополитами в разгаре. В это время самый знаменитый бас мира Поль Робсон вернулся из Союза Советских Социалистических Республик в Соединенные Штаты Америки.

На следующий день у его сына, Поля Робсона-младшего, была свадьба. Жених и невеста шли через толпу нью-йоркцев, а толпа плевалась и кричала: "Красный черный женился на белой жидовке!"

Это была чистая правда. Отец и сын Робсоны были красными (по убеждениям) и черными (отроду), а невеста была белая (отроду) и красивая еврейка (по божьей воле). Какой же толпе это может понравиться?

Поля Робсона очень любили в Советском Союзе. Люди — за голо, Политбюро — за то, что Робсон был символом советской борьбы за равноправие американских негров.

У нас этого равноправия некуда было де-

гибшего Михозэса и Фефера, который, слава Богу, пока жив; в честь всех евреев, которые боролись с фашизмом. Я спою песню узников Варшавского гетто, которые погибли с оружием в руках, песню, которую я выучил, стоя на развалинах Варшавы.

В зале была мертвая тишина, на парадном концерте присутствовали партийная и правительственная номенклатура, высшие чины НКВД, а негр пел им на идиш: "Мама, прошай, ты меня больше не увидишь никогда". Потом — пауза, потом — одинокий истерический аплодисмент, а потом вдруг — буря оваций. Ведь у каждого в семье кто-то сгинул в лагерях, и никто из этих властителей чужих жизней не мог поручиться за свою.

Изумлены были и братские народы Советского Союза. Начальники, уверенные в лояльности красного негра, распорядились дать концерт по прямой трансляции. В разгар охоты на евреев советские люди услышали такое.

На следующий день Робсон улетел в Америку. На следующий день состоялась свадьба его сына...

музыкальным архивом. Отличали их две особенности: а) продавали только самые-самые сливки (Рихтер, Коган, Ойстрах...) и б) Россия практически ничего за это не получала (по одному из этих контрактов с нами расплатились самим фактом реставрации).

Понятно: если мы чего-то государственное продаем, а государство не получает ничего, значит, чиновники получают все.

Да и без контрактов кое-что уходило совершенно уголовным образом. Некоторым нашим музыкантам случалось видеть в некоторых американских студиях звукозаписи хорошо знакомые картонные коробки с архивными "останкинскими" оригиналами.

Поэтому "контракт века" — где все было по-честному и где впервые в истории России были учтены права не только продавца и покупателя, но и права исполнителей — очень многим людям не понравился.

Во-первых, он не понравился вора. Во-вторых, он не понравился могущественным гигантам звукозаписи: немцам, японцам... Их ужас сравним с ужасом Де Бирса, когда мировая монополия по торговле бриллиан-

подал в суд, имея в запасе неотразимый аргумент: пираты не подписывают договоров (пираты вообще действуют иначе).

В суд Дэл подал на весь список деятелей, но скоро выяснилось, что ответчиков будет гораздо меньше. Музыканты один за другим отозвали свои подписи. Да и не было этих подписей. Никто так и не видел подписанное письмо. Подписи как бы существовали как бы устно, что юридически означает — не существовали. Кто-то кому-то звонил по телефону, что-то зачитывал и просил согласия на подпись, а потом "устный подписант" обнаруживал, что опубликован не совсем тот текст, что ему читали.

"Уважаемый господин Дэл!
Довожу до вашего сведения, что я не был знаком с текстом письма, обращенного к западным аудио- и видеокомпаниям, опубликованного в газете "Россия" (№7 от 10 февраля). К сожалению, моя подпись поставлена без моего ведома.

07.07.93 Юрий БАШМЕТ."
Анонимные письма написали и другие. В ход пускали и Шумейко, и Черномырдина.

Александр МИНКИН

ЕВРЕЙСКОЕ СЧАСТЬЕ ПОЛЯ РОБСОНА

вать, и оно все больше шло на экспорт.

В 1930-х Поль Робсон познакомился и подружился со знаменитыми писателями и артистами СССР. В основе дружбы лежало, конечно, взаимное восхищение талантом. Но к тем советским, которые по происхождению были евреями, Робсон, возможно, испытывал некое особое чувство. Он хорошо помнил объявления о найме на работу, заканчивающиеся знаменитой фразой: НЕГРОВ И ЕВРЕЕВ ПРОСЯТ НЕ БЕСПОКОИТЬСЯ, помнил и красивые таблички у входа в рестораны: НЕГРАМ, ЕВРЕЯМ И СОБАКАМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН.

Во время войны с Гитлером в Америку из СССР приезжали руководители Еврейского Антифашистского комитета — актер Соломон Михозэс и поэт Ицхак Фефер. Они выколотили кучу денег из богатых американских евреев. На эти деньги строились танки, самолеты... Сталин был очень доволен.

Но после войны он стал немножко недоволен. Вся Победа должна была безраздельно принадлежать ему — Гениальному Стратегу, Генералиссимусу. Какие тут могут быть еврейские заслуги.

Михозэса убили в Минске, Еврейский антифашистский комитет разоблачили как шпионский, Фефера пытали на Лубянке, а "Правда" ежедневно громила новых врагов народа — безродных космополитов, у которых почему-то были слышны еврейские фамилии.

Поль Робсон, приехав, почитал "Правду", и ему, негру, было нетрудно понять то, что отчетливо, как убийство, проступало между строк.

В 1949 году Москва встретила Робсона торжественно и роскошно. А он вдруг позволил себе наглую бестактность: хоч, мол, увидеть своих замечательных друзей — Соломона Михозэса, Ицхака Фефера.

— Дорогой товарищ Робсон, — ответили солидные люди, — увидать Соломона Михозэса, увя, никак невозможно, поскольку у него недавно случился сердечный приступ со смертельным исходом в Минске.

— А Фефер?
— И с Фефером, увя, встретиться невозможно, поскольку он удалился в деревню, где пишет мемуары на свежем воздухе.

— Но я очень хочу! Это мой друг!
Что сделаешь с упрямым негром, если он вдобавок мировая знаменитость. Ладно, товарищ Робсон, езжайте в Сталинград, а на обратном пути будет вам Фефер.

Пока Робсон ездил в Сталинград, Фефера по высочайшему приказу выдернули из камеры и сказали примерно следующее:

— Жид! Ты даже сам не знаешь, сколько у тебя родственников. Но мы найдем всех — троюродных, семиюродных, тетушек, племянников — и всех уничтожим, если ты скажешь этому негру что-то не то.

Слегка подкормили и — доставили в вестибюль гостиницы, где к нему вышел Поль Робсон. Друзья обнялись и поднялись в номер, стали дружески беседовать об искусстве, о погоде...

Многие уверены, что Робсон так и не понял, что творилось в СССР. Сталин, мол, и не таких обманывал.

Но Робсон был понятливый. Не прерывая дружеской беседы, красивый негр написал на бумажке: "Где Михозэс?", а белый жид взял карандаш и ответил на бумажке: "Убит по приказу Сталина". — "А где ты?" — написал Робсон. Фефер, не трата времени на переписку, изобразил пальцами тюремную решетку. "Что будет с евреями?" — написал негр. Еврей провел ребром ладони по горлу, показывая, как режут жертвенных барашков. Вот и поговорили.

А на следующий день Робсон пел большой сольный концерт в Зале Чайковского. Пел по-английски, по-испански, по-китайски и, конечно, по-русски: "Широкая страна моя родная". Грянули аплодисменты, все думали — концерт окончен. Но Робсон жестом попросил тишины.

— Я спою вам еще одну песню. Спою в честь моих еврейских друзей: безвременно по-

А пару месяцев назад в нью-йоркской квартире Поля Робсона-младшего раздался звонок. Незнакомый мужской голос сказал:

— Я звоню вам из Москвы...
— Не продолжайте. — перебил Поль, которому 62 и который называет себя Павел Павлович, — не продолжайте, я знаю, что вы скажете. Вы нашли запись концерта 1949 года.
— Да. Но как вы догадаетесь?
— Я сорок шесть лет ждал этого дня.

3 октября в Нью-Йорке в Линкольн-центре состоялась презентация компакт-диска, на котором концерт, чудом уцелевший в сырых подвалах Гостелерадио. Концерт, где американский негр не побоялся заступиться за советских евреев. Во всю силу своего потрясающего баса.

НИЗКОЕ БЛИЗКОЕ

Что мы, негры что ли? Виктор Черномырдин.

Человека, который нашел запись концерта и позвонил в Нью-Йорк Робсону, зовут Тристан Дэл. Тот самый заокеанский делец, кого уже три года поливают в разных российских газетах. Тот самый пират, который похитил сокровища русского искусства (музыкальный архив "Останкино", где собраны классические записи советских виртуозов за 70 лет Советской власти). Тот самый пират, который третий год судится с нашим министром культуры Евгением Сидоровым и знаменитым пианистом Николаем Петровым, желая получить с каждого по полтора миллиона долларов только за то, что они назвали его фирму пиратской.

История простая. Записи великих музыкантов XX века сделаны на допотопных магнитофонных пленках. Они тихо гнили и осыпались в сырых подвалах. И никто толком не знал, чего у нас там есть, поскольку не было даже нормальной картотеки.

И отнюдь не только время и мыши поедали бесценные записи. Сокровища из наших музеев исчезают порой не без помощи музейщиков. Пользуясь служебным положением, некоторые из них похищают или подменяют картины, книги, старинные рукописи, ювелирные шедевры старых мастеров. Иногда воруют сами, иногда работают наводчиками... Пока нет каталога и есть хаос, ничто не мешает "мышам" поедать старые записи. У мышей был отличный, утонченный музыкальный вкус. Они поедали самых лучших.

Когда Тристану Дэлу пришло в голову нажиться на советских шедеврах, он (по глупости) не стал подкупать хранителей архива, чтобы те сперли сотню-другую лучших записей. Дэл пришел к руководству архивного фонда и предложил "контракт века".

Создается специальная фирма (USSU) для реставрации останкинских сокровищ и продажи записей по всему миру. Оригиналы не покидают Москву, фирма привозит сюда самое современное компьютерное и цифровое оборудование для реставрации и реставрирует всё. Кроме того, вкладывает большие деньги на юридическую защиту прав во всем мире. А за это получает эксклюзивное право на торговлю сроком на семь лет. Прибыль делится между Россией и USSU. А по прошествии семи лет пусть Россия сама решает, кто и как будет торговать отреставрированными (спасенными) записями.

"Контрактом века" этот договор стали называть потому, что сделка тянула, похоже, на миллиарды долларов.

Когда мистер Дэл изложил свой проект, он спросил "останкинцев": "А вы ни с кем прежде не подписывали?". "Останкинцы" широко распахнули честные глаза и воскликнули: "Нет! Нет! Никогда!"

Увы, музыкальные проделки не спрячешь. Это яйцо Фаберже можно украсть, вывезти, продать буржуа, который спрячет драгоценность от публики. Музыкальные записи (как и видео) воруют, чтобы тиражировать и продавать. Скоро выяснилось, что до Дэла было подписано как минимум пять контрактов с нашим

тами узнала, что в ее узкий, тщательно оберегаемый рынок с треском въезжает Джуктия.

И действительно, мировой рынок классики значительно уже рынка эстрады с ее роком, рэпом и прочими "хули-хули". А тут сразу тысячи новых (старых) шедевров, которые (что романтично) долгие годы пылились в сталинских подвалах за железным занавесом...

На недовольство воров и конкурентов нам, конечно, наплевать. Но тут в газетах появились гневные письма деятелей культуры. Деятели с невероятным патриотизмом кричали: "Караул! Грабят! Пираты!" Сперва написали Хасбулатову (был у нас такой председатель парламента, профессиональный миротворец). Потом обратились к мировой общественности (хоть и не в ООН).

Открытое письмо президентам западных фирм Уважаемые господа!

Профессиональные музыканты России обращают ваше внимание на вопиющую ситуацию... Записи концертов Шаляпина, Собинова, Голованова, Гаука, Ойстраха, Когана, Рихтера, Гилельса, Образцовой... без всяких угрызений совести переданы компанией "Останкино" специально созданной для этих целей американской корпорации USSU Арт групп Инк... договор является незаконным, пиратским. Тиражирование пиратской продукции... мы вынуждены обратиться к вам с просьбой проявить с нами солидарность и не иметь дел с пиратской фирмой USSU Арт групп Инк, возглавляемой господами Аркадием Шендельманом (выходцем из Одессы) ныне Тристаном Дэллом...

Вера ГОРНОСТАЕВА, народная артистка России; Юрий ТЕМИРКАНОВ, народный артист России; Николай ПЕТРОВ, народный артист России; Геннадий РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, народный артист России; Юрий БАШМЕТ, народный артист России; Элисо ВИРСА-ЛАДЗЕ, народная артистка России; Евгений СИДОРОВ, министр культуры России.

Многих тогда удивило, что такие интеллигентные люди способны публично применять такие неприличные аргументы, как "выходец из Одессы".

А Тристан Дэл оскорбился за слово "пиратский" ("Мой прекрасный проект, который дарит миру сокровища, превосходящие богатства Тутанхамона, называть пиратским?") и

Шумейко сперва запретил "контракт века", но потом ему объяснили, что он введен в заблуждение, что пиратов надо искать в другом месте, и Шумейко аннулировал свой запрет так же, как деятели культуры отзывали свои подписи. А Черномырдин все понял, еще не успев запретить.

Может быть, "контракт века" пытались сорвать из благородных побуждений, а может, желая просто отдать в другие руки. В письмах и интервью иногда откровенно говорилось: мол, почему отдали такое богатство USSU, а не известным гигантам — транснациональным корпорациям звукозаписи?

Гиганты, конечно, хотели бы заполнить этот фонд. Но это теперь, когда он вот-вот хлынет на рынок. Они хотят купить, но хотят ли продавать? У гигантов уже все сложилось: и товар, и рынок. Гиганты склонны купить новое и — положить на полку, чтоб новое не мешало старому. Фонд опять оказался бы взаперти, да еще в таком подвале, откуда не бывает утечек.

А сейчас — уже в 1996 году 100 наименований дисков поступят в продажу. Каждый — тиражом около 5 тысяч. Полмиллиона дисков с классикой! Впервые в истории серьезная музыка достигнет эстрадных тиражей.

С первого диска часть денег пойдет МГУ, часть — Московской консерватории — так написано на обложке каждого экземпляра. С других — на другие благотворительные цели. Совершенно пиратский метод.

Какая разница, кто бизнесмен и откуда он выходец. Оценивать надо проект, а не персону. Какое нам дело до нравственности Моцарта, сексуальной ориентации Чайковского, национальности Мендельсона. И не смущает ли авторов письма, что их защищает знаменитый адвокат — по фамилии типичный "выходец"?

Проект движется. Записи отреставрированы. Фирма USSU вложила в эту затею уже пять миллионов долларов (где бы взял министр Сидоров 25 миллиардов рублей?). Диски вот-вот поступят в продажу (в России за полцены). И суд по иску мистера Дэла к пианисту Петрову и министру Сидорову остался в стороне от "контракта века". Для тех, кто будет слушать спасенные шедевры, безразлично, как зовут продавца и существуют ли на свете "пиратские контракты". Если этот суд и затронется на съезде, то лишь как реклама (по примеру уголовного дела против "Кукол", которое принесло этой по большей части унылой передаче невероятную популярность).

Смешон сам факт, что "выходцы из Одессы" русские патриоты пытались помешать в экспорте Русского Искусства Рихтера, Когана, Гаука, Ойстраха, забывая, что эти великие русские исполнители тоже в известном смысле "выходцы из Одессы".

Но для Петрова и Сидорова суд (чье решительное заседание ожидается 11 октября) — не шутка. Конечно, в случае проигрыша их не приговорят к выплате трех миллионов долларов; таких сумм наши суды и вообразить не могут. Но сам факт поражения нашего министра от иностранного бизнесмена... Впрочем, хотя лично Сидорову это будет крайне неприятно, зато пойдет на пользу России. Сей казус убедит западных инвесторов, что российский суд готов в соответствии с законом защищать их права.

Возможно, решение будет в пользу Петрова и Сидорова. Возможно, суду удастся доказать, что слово "пиратский" относится только к фирме и никак не затрагивает достоинство ее владельца М-ра Дэла. (Доказать это — все равно, что доказать, будто капитан пиратского корабля — не пират.)

Судье Ольге Сергеевой будет нелегко. С одной стороны — неопровержимые факты, с другой — могучая благородная риторика. С одной стороны — американский бизнесмен, с другой — министр Правительства России. Правда, недавно судья Ольга Говорова создала опасный прецедент, предпочтя блистательности Закона, а не угождать министру.

Дрязги останутся никому неизвестны. О них забудут даже участники. Высокая трагедия запросто шлепает через грязь; к ней не пристает.

Робсон Польша